

Олег Дозморов

Олег Дозморов родился в 1974 году в Свердловске. Окончил филологический факультет Уральского университета и аспирантуру. Автор шести книг стихов, публикаций в журналах «Арион», «Урал», «Звезда», «Знамя», «Волга» и др. Лауреат «Русской премии» (2012). Живет и работает в Лондоне.

Недорого ценил хозяйственный Петров
развешиванье, сортировки муки
и воссоединение носков
опять, после разлуки.

Подобье божие, ощипанный петух
с широкими ногтями,
гляди, куда, дыша, нисходит дух
с простынками, носками и трусами.

Наверно, проще быть по жизни школяром:
в сне равнодушия и лени
мы записали курсе на втором
семнадцать, я не вру, определений.

Там было все: тростник, животное, мешок
с костями, и субъект, и тары-бары,
а вот – Петров, он – мыслящий носок,
то с парой, то опять без пары.

Я проснулся в четыре утра от дождя.
Он шуршал, барабанил. Однако
так, негромко, практически шелестя,
и во сне завозилась собака.

Означал этот звук шелестения что?
Из кармана достали пятерку?
Прошептала, очнувшись: «що тобі, милий, що?» –
и скорей разрывали обертку?

Иль особенно был бесконечно тягуч
этот шорох далекий, поскольку
аккуратно снимали с бечевки сургуч,
разворачивали бандерольку?

Долго звук шел из мест, где примерно за век
до того появился на свет
дед мой, а ныне в «дубке» человек

открывает из штаба пакет.

Я хочу, чтоб мой тесть оставался здесь,
и поэтому вы читаете про него
перед тем, как, допустим, за ужин сесть,
или после прогулки, или типа того.

Вот он садится в автобус и едет в сад,
вот исследует «Аргументы и факты», а вот
учит английский, на что горазд,
а вот чинит в своей хрущевке водопровод.

Юрий Глебович! В этом мире лишь жизнь и есть,
потому зафиксируем статус-кво:
иногда читается «факт», хоть написано «тест»,
и если вы читаете про него,
то мой тесть – как мы – остается здесь,
и с этим никто не сделает ничего.

– Что ты видишь во взоре моем,
в этом утреннем взоре-позоре?
– Я в нем вижу глубокое горе
с умирающим в поле полком.

Самолет разгонялся смелее,
парашют распахнул небеса,
пели неуставное старлеи,
закрывали перчаткой глаза.

Плыли «ИЛы», как странные рыбы,
человечью метали икру,
и снимала легко недосыпы
мысль последняя: я не умру.

Потому что нас подняли рано,
прочитали пред строем укор
и дорогами телеэкрана
повели на ненужный позор.

И никто никогда не узнает
о далеком неслышном огне
и о том, где теперь пролетает
призывник в ослепительном сне.

Почему обгоревшие руки
развернули в пространстве страну,

попросили у родины муки,
отпустили в предсердье струну.

Только тот, кто обнялся с землицей,
понимает, что будет потом,
да его голубая петлица
затеряется в небе сыром.

Так вот какой фигачил холодок
сквозь дыры в заднике смешного балагана,
так вот о чем предупреждает Блок
и тайно жаждет, только нам туманно,

так вот о чем вопил другой пиит,
и звёздный ужас рассекал на части
и мир, и свет, и дом, где стол накрыт,
пока мы байки слушали в подкасте,

и пили в чашках глиняных улонг,
и подзывали вновь официанта,
и кто так и не выучил урок
художника, поэта, музыканта,

кто думал, что циничное верней,
что все имеет цену и тем крепко,
теперь летит, как маленькая щепка,
среди миров, пространства, звезд, огней.

Плохо. Шлифуя эзопов язык,
слово прилаживать к слову стык в стык,
ведь усложнение речи
все же слабее картечи.

Ах, речь двухслойная, заподлицо,
следует за языком-подлецом,
вот уж кому все равно-то,
пахота или пехота.

Речь разработана, выгнута речь.
Сашку забрили, попробуй убечь
из исторической сечи,
из политической речи.

Оську забрили! Блажен, кто тогда
желтой струей обжигал провода,
сладко кичиться пророчеств

влажной дорожкой в песочек.

Хуже молчание – способ примкнуть
к вам, победители, штык свой примкнуть
и предъявить всем пустое
слово, как жопа, простое.

Рифма, мелкая паскуда,
как несданная посуда
после алковыходных,
ты, наверно, ох.ела:
в ухо празднично звенела
в ходе действий боевых.

Раньше рифм скороговорка
в барда превращала орка,
обезболивши печаль,
а теперь сумбур афазий
и полнейший сдвиг по фазе
в очарованную даль.

Чур, потом, смотри, не харкать
кровью, подбирая к «Харьков»
невозможный ассонанс,
или к слову «Мариуполь»,
чтоб война пошла убыль,
иль проваливай сейчас.

И ручку тугую колонки качать,
подставить висок под тугую струю,
и холод собачий, и воду глотать,
чтоб зубы ломило: ты снова в строю.

Должна быть мечта, рядовой, у тебя,
такая зарубка на чёрный на день,
чтоб снилась деревня, гудела вода,
с чего бы ресницами стряхивать пыль.

На этом на свете оставишь её,
со света того не дотянешься, нет?
А если дотянешься – ручку качать,
придешь за водой в ослепительный день.

Дождь перестал, закат кровопролитен,
и ветер анонимку пролистал.
Да что там дождь! Смотри – почти что виден
соленых звезд внимательный кристалл.

Я не люблю красоты, но если...
Короче, прикрывай лицо рукой,
когда увидишь, как они пролезли.
И чем назвать, когда б не красотой.

Мы не умрем, ведь ночь – она живая.
Живи себе и на небо гляди,
то вскользь, за счёт метафор выезжая,
а то на полувдохе: господи!

Тварь любая требует вниманья.
Я зову тебя в чудесный мир –
мир нытья, уродств, самокопанья,
самоумаления и др.

Не побед, а жалких поражений,
долгих жалоб, низменных утех,
странный мир корявых отражений,
искажений достижений всех.

У любого есть испод, изнанка.
Ты его потом переверни –
где была расчесанная ранка,
выросли цветы, мечты, огни.

Человек нашаривает брючину,
человек, уснувший за столом,
человек, которому поручено,
что – забыл, в дверях застыл с ключом.

Был бы я талантливым художником,
рисовать растерянных людей
стал бы, глупо вымокших под дождиком
или на себя проливших клей.

Опоздавших и теперь, на станции,
осознавших: некуда спешить,
человек в глупейшей ситуации,
человек, не знающий, как жить.

Трамвай и кладбище. Черт, где бы я ни жил –
трамвай и кладбище неподалеку.
Трамвай под окнами ходил,
и похороны – оп, через дорогу.

Все странно, странно, но должна же быть
какая-нибудь странность,
и вот трамвай ну в пять утра звонить,
и смерть – такая данность.

Трамвай четвертый, восемнадцатый,
двадцать шестой, четвертый
по кругу шли, ну, просыпайся, ты,
калач ты черствый.

Не знаю, что еще сказать. Возможно, вот:
мы за оградой там детьми играли,
и было страшно, аж болел живот,
трамвай звенел, и мы от ужаса орали.

Ангел собачий с косточкой наперевес
сам посещает каждый собачий подъезд.

Ангел – ну да, он красивость, но, как ни крути,
он уже вот он, топ-топ на своем пути.

Он уже – гав (фрикативное ав, собаки – южане),
чтобы мы со всех лап с лаем к нему бежали.

Дарит надежду и косточку дарит, чувак,
с ним веселее сквозь весь этот ужас и мрак.

Был я, допустим, когда-то достойным котом,
может быть, буду, кто знает, собакой потом.

Буду ловить ультразвук, буду ангела ждать,
буду, слюнявый и милый, куда-то бежать.

Облако летело и растаяло,
в чистом небе перестало быть,
тихо все на свете переставило,
оборвало призрачную нить.

Нить не будем. Будем приукрашивать,

пару рифм прикрутим к облаку,
у несуществующего спрашивать
чтобы – что случится на веку.

Ротко – на закате, в дождик – Поллока
иль не нарисует ничего.
Может быть, оно совсем не облако?
Может быть, и не было его?